

Новгородцев Павел Иванович

**Кант и Гегель в их учениях о
праве и государстве**

**Два типических построения в
области философии права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Иванович Н.**
Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: Два типических построения
в области философии права / Новгородцев Павел Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 253 с.

ISBN 978-5-519-99994-6

ISBN 978-5-519-99994-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе возникло въ тѣсной связи съ моимъ трудомъ: «Историческая школа юристовъ». Заинтересовавшись судьбой идеи естественнаго права, я постарался рассмотреть въ этомъ трудѣ, насколько историческое направленіе въ юриспруденціи упразднило ту идею, которая изданна являлась опорой философіи права. Въ результатъ изслѣдованія я пришелъ къ мысли, что это упраздненіе было мнимымъ и что естественно-правовая идея пережила тѣ нападенія, которыя были противъ нея сдѣланы. Историческая точка зрѣнія совершенно основательно отвергла прежнія ученія о происхожденіи права изъ случая и произвола; но центръ естественно-правовой доктрины заключался вовсе не въ ея взглядъ на происхожденіе права, а въ вопросъ о возможности нравственнаго суда надъ нимъ.

Такимъ образомъ интересъ при изслѣдованіи идеи естественнаго права долженъ быть переставленъ отъ вопроса объ условіяхъ правообразованія къ проблемѣ о самостоятельномъ значеніи нравственной оцѣнки явленій. Движеніе мысли истиннаго вида было скорѣе враждебно къ положительному рѣшенію этой проблемы. Сначала историзмъ, а затѣмъ позитивизмъ стремились устранить точку зрѣнія должнаго и поставить нравственный вопросъ; какъ частный видъ генетическаго или историческаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ генетическая точка зрѣнія не покрываетъ собою этической и вмѣсто того, чтобы отвергнуть эту послѣднюю, она сама должна быть отвергнута въ своихъ исключительныхъ

притязанійхъ. Какъ ни широка область ея примѣненія, но она имѣетъ свои предѣлы, которые должны быть ясно сознаны.¹

Нѣтъ ничего удивительнаго, если современная мысль въ разрѣшеніи вопроса о самостоятельномъ значеніи нравственной точки зрѣнія обращается къ Канту. Исторія философіи не знаетъ до сихъ поръ болѣе крупной попытки обосновать самостоятельное положеніе этической методы. На почвѣ ея независимаго существованія находятъ свою настоящую постановку всѣ тѣ идеи, которыя за послѣднее время старались отстоять отъ объективизма науки. Проблемы индивидуализма и нравственной оцѣнки, совершенно выходящія изъ сферы объективно-научнаго разсмотрѣнія, получаютъ здѣсь надлежащее освѣщеніе. Выступъ съ тѣмъ, узаконится вся область нормативныхъ понятій въ своей отвлеченной и формальной постановкѣ. Когда въ ней видятъ лишь одинъ изъ возможныхъ способовъ изслѣдованія, трудно возражать противъ ея абстрактной односторонности. Это философское признаніе нормативнаго разсмотрѣнія имѣетъ большое значеніе для юриспруденціи, которую также пытались перестроить подъ вліяніемъ позитивизма. Ея особенная метода должна остаться неприкосновенной, какъ самостоятельный способъ изслѣдованія, на ряду съ историческимъ и социологическимъ.

Результаты возвращенія къ философскимъ основамъ Канта не ограничиваются этой реабилитаціей нравственной проблемы. Его критицизмъ отражается и на новомъ направленіи социологической мысли. Недавняя «наука о законахъ общественной солидарности», учившая о томъ, какъ отдѣльные общественныя явленія «соприкасаются между собою» и «стремятся придти въ состояніе гармоніи», представляется теперь слишкомъ догматической и лишеной твердыхъ основаній. Такимъ образомъ, почти всѣ сопопунность методологическихъ понятій, воспринятыхъ нами отъ недавняго прошлаго, въ качествѣ основы для постановки юридическихъ и общественныхъ наукъ, подвергается критикѣ и осуждается, какъ недостаточная.

Въ настоящемъ трудѣ я коснулся лишь перваго пункта этой новой методологической программы, т. е. вопроса о самостоятельности нравственной проблемы. Я поставилъ своей цѣлью изучить положеніе этого вопроса у Канта, отъ котораго ведетъ свое на-

чало современное направлѣніе этической философіи. Важно было опредѣлить какъ достоинства, такъ и пробѣлы его системы и такимъ образомъ установить точнѣе настоящую сферу ея задачъ. Пробѣлы этой системы, какъ извѣстно, нашли глубокомысленнаго критика въ лицѣ Гегели. Его основныя замѣчанія противъ Канта до сихъ поръ сохраняютъ весь свой интересъ и въ своей совокупности полагаютъ фундаментъ для другого построенія моральной философіи, основаннаго на иныхъ началахъ и стремленіяхъ. Нельзя найти лучшей параллели для взглядовъ Канта. Изучая кругъ вопросовъ, выдвинутыхъ Гегелемъ, мы убѣждаемся въ ихъ настоятельной важности, но убѣждаемся также и въ томъ, что они не устраняютъ, а восполняютъ вопросы Канта. Мнѣ представилось поучительнымъ именно совмѣстное изложеніе ихъ доктринъ, при помощи котораго всего лучше выясняются, какъ самостоятельность нормативнаго разсмотрѣнія, такъ и необходимость его восполненія.

Такъ опредѣляется общій планъ моего труда. Историческаго освѣщенія доктринъ я не ставилъ своей задачей. Точно также я считалъ возможнымъ обойти второстепенныя подробности въ ученіяхъ Канта и Гегеля, не представлявшія для моихъ цѣлей никакого интереса.

Москва. 9 октября 1901 года.

ВВЕДЕНИЕ.

Когда въ настоящее время кто-либо берется писать объ известномъ ученіи или рядъ ученій и ставитъ своей цѣлью объяснить ихъ внутреннее строеніе и ихъ связи съ вызвавшей ихъ исторической обстановкой, онъ долженъ представить особенное оправданіе какъ для своей темы, такъ и для своей методы. Ибо теперь стало не только обычнымъ, но и общеобязательнымъ требованіе, чтобы идеи изучались въ связи съ реальной средой, въ которой онѣ возникли и получили распространіе. Столь же обычнымъ, почти шаблоннымъ стало возраженіе, стремящееся подорвать научную цѣну тѣхъ изслѣдованій, которыя оставляютъ въ сторонѣ обстановку, среду и берутъ идеи и ученія въ ихъ обособленномъ существованіи и внутреннемъ значеніи.

Если бы рѣчь шла о томъ, чтобы опровергнуть въ такихъ изслѣдованіяхъ слѣды стараго гегельянскаго взгляда, видѣвшаго въ развитіи идей торжественное шествіе абсолютнаго духа, раскрывающаго свои опредѣленія по строгимъ законамъ логики, мы бы поняли тѣ возраженія, которыя дѣлаются въ данномъ случаѣ. Мы бы поняли вообще указанное выше требованіе—объ изученіи идей въ связи съ реальными условіями жизни—, если бы оно сопровождалось яснымъ сознаніемъ ожидаемыхъ отъ него результатовъ и опровергаемыхъ имъ взглядовъ. Но когда оно становится научнымъ шаблономъ, высказываемымъ безапелляционно и не подтверждаемымъ своихъ основаній и предѣловъ, здѣсь позволительны сомнѣнія и вопросы.

Мнѣ казалось умѣстнымъ высказать эти сомнѣнія и поставить эти вопросы въ самомъ началѣ своей работы, посвященной анализу идей двухъ важнѣйшихъ представителей нѣмецкой философіи права. Та специальная область научной литературы, которая имѣетъ своей цѣлью изученіе и объясненіе идей,—философскихъ, политическихъ и иныхъ—чрезвычайно быстро вырастаетъ на нашихъ глазахъ. Давно уже не замѣчалось въ этой области такого оживленія, какъ теперь, когда въ разныхъ странахъ и на разныхъ языкахъ появляются многочисленныя изслѣдованія и статьи, съ различныхъ точекъ зрѣнія освѣщающія идейную сторону историческаго процесса. Нельзя не сказать, однако, что этой оживленности научной работы въ данной области далеко не соответствуетъ степень выясненности методологическихъ приѣмовъ и средствъ. Кромѣ общихъ замѣчаній и разъясненій вроднаго характера, мы почти ничего не можемъ указать въ этомъ отношеніи. Повидимому, здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, первоначально долженъ накопиться извѣстный научный матеріалъ и опытъ: программы и методы вырабатываются позднее.

Съ своей стороны, я хотѣлъ бы скорѣе поставить вопросъ, чѣмъ его исчерпать: болѣе этого едва ли можно и требовать отъ иступительныхъ замѣчаній. Полагаю, однако, что и въ этомъ видѣ мои замѣчанія могутъ оказаться полезными, по крайней мѣрѣ, какъ поводъ для дальнѣйшаго обсужденія предмета. Для меня они были совершенно необходимы, въ виду необходимости оправдать постановку вопроса въ моей работѣ.

Начну съ характеристикъ историческаго изученія доктринъ, имѣющаго цѣлью установить ихъ связь съ условіями времени. После этого тѣмъ легче будетъ выяснитъ самостоятельныя задачи того особаго философскаго изученія, которое беретъ идеи въ ихъ внутреннемъ значеніи, независимо отъ условій ихъ историческаго происхожденія.

I.

Когда въ историческихъ обзорахъ развитія идей впервые признана была мысль объ ихъ закономѣрной эволюціи, когда идеи перестали разсматриваться въ качествѣ случайныхъ продуктовъ личнаго творчества и были прикрѣплены къ общему ходу исторіи, это было великимъ и крупнымъ успѣхомъ въ дѣлѣ ихъ научнаго объясненія. Можно сказать, что съ этихъ именно поръ началась ихъ разработка въ духѣ истинно-исторической методы. Теперь уже нельзя говорить объ иной постановкѣ *историческаго изученія* идей. Всякое чужое методологическое требованіе въ этой области должно, поэтому, исходить не изъ отрицанія, а изъ восполненія и усовершенствованія этой методы, оставляя неизмѣнимою ея основу—представленіе объ общей связи историческихъ явленій и ихъ закономѣрномъ развитіи.

Но когда мы ставимъ вопросъ объ ея усовершенствованіи, то здѣсь едва ли могутъ быть какія-либо колебанія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на первыхъ порахъ, какъ это было, впрочемъ, вполне естественно, попытки связать развитіе идей съ общимъ ходомъ событій должны были оказаться не вполне удовлетворительными. Задача была слишкомъ сложна, для того чтобы она могла быть сразу разрѣшена съ помощью наличныхъ приѣмовъ исторической науки. Такимъ образомъ, послѣ того какъ историческая литература уже обогатилась цѣлымъ рядомъ исследованийъ въ указанномъ выше направленіи, все еще чувствовалось, что «новыя задачи часто понимаются слишкомъ поверхностно и формально». На это еще такъ недавно указывалъ проф. Випперъ въ своей статьѣ «Политическія теоріи во Франціи въ эпоху релігіозныхъ войнъ» ¹⁾. Перечисляя новыя проблемы, вытекшія изъ

¹⁾ Журналъ Мин. Нар. Просв. 1896 г., авг.

примѣненія исторической методы къ изученію политическихъ идей, упоминая о ясно выраженномъ требованіи ставить идеи въ связь съ реальными условіями ихъ возникновенія и вскрывать за крупными мыслителями настроеніе массъ, авторъ указанной статьи прибавляетъ: «Надо, однако, сознаться, что задача поставленная такимъ образомъ, выполняется въ весьма недостаточной мѣрѣ. Въ оправданіе часто указываютъ при этомъ на несоотвѣтствіе между характеромъ нашихъ источниковъ и поставленной цѣлью, на невозможность опредѣлять настроенія, кругъ мыслей массъ. Мнѣ кажется, что бѣда не въ характерѣ доставшихся намъ свидѣній, а въ нашихъ приемахъ, въ неспособленности къ нашимъ новымъ задачамъ тѣхъ разбавовъ исторически переданнаго матеріала, тѣхъ комбинацій историческихъ данныхъ, къ которымъ мы привыкли» ¹⁾. Остановившись нѣсколько на замѣчаніяхъ Р. Ю. Виппера: они представляютъ едва ли не самое интересное, что было писано у насъ объ этомъ предметѣ за послѣднее время. Въ этихъ замѣчаніяхъ ясно формулируются слабыя стороны распространенной теперь методы, но вмѣстѣ съ тѣмъ вскрывается и вся трудность болѣе правильнаго ея примѣненія. Чѣмъ выше ставится цѣль, тѣмъ болѣе недостаточными оказываются средства, и необходимый результатъ, къ которому мы должны здѣсь прійти, состоитъ въ томъ, чтобы ясно сознать непабычные предѣлы при осуществленіи намѣченной задачи. Объясненіе идей, которое мы получаемъ этимъ путемъ, не можетъ быть полнымъ: оно истрѣбается съ нѣкоторыми непреодолимыми трудностями. Съ другой стороны, это неполное по существу объясненіе будетъ тѣмъ болѣе недостаточнымъ, если оно будетъ считать себя единственнымъ. Лишь съ сочувствіемъ можно отнести къ мысли, что изученіе идей «нельзя ограничивать одною логическою связью абстрактныхъ системъ, что параллельно съ изученіемъ политическихъ теорій должно вести изученіе политическихъ учреждений и политической борьбы, общественного строя и общественныхъ отношеній» ²⁾. Если историки начинаютъ принимать все болѣе и болѣе участія въ изученіи идей, это можно только приветствовать. Но было бы ошибочно

¹⁾ Ibid., стр. 279.

²⁾ Ibid., стр. 278.

думать, что въ данномъ случаѣ можно ограничиться однимъ историческимъ изученіемъ. На ряду съ исторической задачей, здѣсь возникаютъ другія проблемы—вопросы системы, догмы, критики. Всѣ эти вопросы не укладываются въ рамки собственно-исторического изученія и имѣютъ самостоятельный интересъ. Остановимся сначала на первой части высказанныхъ нами положеній и пояснимъ нашу мысль о неизбежныхъ трудностяхъ и границахъ историческаго объясненія идей. Въ связи съ замѣчаніями проф. Виппера, мы будемъ имѣть въ виду по преимуществу идеи политическія; но то, что мы скажемъ объ этой группѣ идей, съ тѣмъ большей силой можетъ быть повторено въ примѣненіи къ другимъ продуктамъ мысли, имѣющимъ болѣе отвлеченный характеръ.

Говори о современной постановкѣ историческаго изученія политическихъ идей, Р. Ю. Випперъ мѣтко указываетъ самый основной недостатокъ этого изученія, который особенно часто встрѣчается въ данной области. Этотъ недостатокъ состоитъ въ слишкомъ поверхностномъ сближеніи идей съ событіями. Въмѣсто того, чтобы доискиваться корней и основъ, довольствуются ближайшими поводами и намеками и думаютъ, что задача историческаго изученія на этомъ оканчивается, между тѣмъ какъ съ этого она только начинается. «Дѣло въ томъ, что подыскивая реальную подкладку политическихъ системъ и идей той или другой эпохи, стараясь *опредѣлить ближайшій предметъ, подъ впечатлѣніемъ котораго возникла та или другая сторона ученія, т. е. сводя нѣкоторымъ образомъ политическую теорію къ суммѣ намековъ на явленія современности*, историкъ исполняетъ только часть своей задачи» ¹⁾. Историческій комментарий долженъ идти всеравнѣе далѣе и глубже. «Пользуясь вышеуказаннымъ приемомъ сближенія теорій съ фактами окружающей жизни, нельзя въ то же время забывать, что политическая теорія, *политическая идея есть дѣйствительно абстракція*, что хотя она исходитъ отъ прямыхъ впечатлѣній и постоянно ими питается, но въ то же время представляетъ *продуктъ нѣкотораго сложнаго состоянія, цѣлой совокупности различныхъ данныхъ исторической жизни, словесной группировки, пра-*

¹⁾ Ibid., стр. 279. Курсивъ въ этой и другихъ цитатахъ изъ статьи Р. Ю. Виппера принадлежитъ мнѣ.

вительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения общества к своему прошлому и т. д.; нельзя забывать, что в политической теории обыкновенно *милль постыли многих исканий, столкновений, в результате долгих колебаний и поворотов мысли*, символизируются в простые и рѣзкія формулы—настроения, вызванные группами разнообразных фактов, накопившіяся и наросшія за цѣлый період молчанія и подготовки для коренящихся в прочных, но мало выступающих наружу традиціях¹⁾.—Соотвѣтственно съ этимъ, положительное требованіе Р. Ю. Виппера состоитъ в томъ, чтобы обратить вниманіе на изученіе жизни традицій в обществѣ: не поддаваясь цѣликомъ фактамъ непосредственнаго соприкосновенія теории съ дѣйствительностью,... слѣдуетъ разсматривать теоріи «съ точки зрѣнія сложившихся формъ, функционирующихъ учрежденій, дѣйствующихъ общественныхъ порядковъ»; слѣдуетъ вскрывать «накоплиющіеся впечатлѣнія и привычки мысли, практическія желанія и протесты въ предѣлахъ данныхъ общественныхъ рамокъ за цѣлый періодъ, предшествующій возникновенію теории, и въ этомъ направленіи подступать къ самой теории, какъ къ послѣдней сжатой формулѣ продолжительнаго движенія»²⁾.

Несомнѣнно, что поставить задачу изученія идей на эту почву есть прямое требованіе исторической методы; безъ этого она не только недостаточно, но вовсе не выполняетъ своей цѣли законномѣрнаго объясненія явленій. Указать ближайшіе и наглядные поводы для возникновенія какой-либо теории значить часто избавить себя отъ необходимости отыскивать болѣе глубокіе ея корни и болѣе сложныя условія ея происхожденія, которыя, однако, впервые пролипаютъ свѣтъ на ея историческое значеніе. Я буду еще имѣть случай говорить ниже о томъ, какъ освѣщеніе теории при помощи такихъ ближайшихъ и наглядныхъ поводовъ можетъ приводить къ совершенно ошибочнымъ результатамъ. Все это несомнѣнно. Но несомнѣнно также, что столь усложненная и углубленная задача изслѣдованія часто встрѣтится не только съ неприспособленностью къ ней нашихъ приемовъ, но и съ недостаткомъ нашихъ научныхъ

¹⁾ Ibid., стр. 280.

²⁾ Ibid., стр. 282.